

© Н.Ф. Алефиренко

КОГНИТИВНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ: PRO ET CONTRA

1. Объект и предмет когнитивной фразеологии. Определение объекта лингвокогнитивного исследования фраземики как целостного процесса косвенно-производного порождения смысла связано с изучением комплекса междисциплинарных проблем: фразеологии, когнитивной семантики, лингвистики дискурса, психолингвистики, семиотики, философии языка, этнолингвистики и др. [Алефиренко 2008а].

Предмет когнитивной фразеологии – фраземопорождающее взаимодействие языка и мышления в континууме культурно-познавательного пространства [Алефиренко 2008б]. Причём такое фраземопорождающее взаимодействие языка и мышления понимается как синергетически нелинейный процесс, где синергия полей есть проявленная форма самоорганизации косвенно-производного смыслообразования.

Цель когнитивной фразеологии – моделирование целостного фразеологического пространства как самоорганизующейся системы взаимодействия семиотических средств языка и культуры, системы развивающейся по законам упорядочивания и гармонизации нередко парадоксальных восприятий. В результате такой гармонизации ассоциативно оправданные конфигурации интерпретируемых элементов действительности образуют фразеологический дискурс. Выдвинутая цель исходит из гипотезы: фразеологический дискурс есть (1) пространство транспонирования смыслов из одного семиотического кода в другой; (2) пространство, в котором зарождаются и происходят глубинные синергетические процессы, направленные на метафоризацию лингвокреативного мышления, гармонизацию мыслительного и языкового кода.

Исходя из синергетического представления о фраземообразующей связи языка и мышления, отражательном характере сознания, доминирующую роль в порождении и восприятии фразем играет образ. Образ понимается нами лингвофилософски: как объективная данность, доступная пониманию, интерпретации и поэтому наделённая смыслом. Единицей глубинного смысла является образ – важнейший элемент фразеологической семантики.

Глубинный смысл порождающего высказывания, предполагающего включение в свой состав знаков косвенно-производного характера, гносеологически связан с проблемой дискурса. Именно дискурс порождает невидимые ассоциативные нити смысловых связей текста с языковым сознанием коммуникантов. Эти связи достаточно многообразны, что само по себе провоцирует появление множества вариантов употребления и понимания одной и той же фраземы. Ср.: 1) *Очень неприятный, чего греха таить, вышел раз-*

говор. Самое обидное – разошлись ни с чем. Каждый при своём мнении и с сознанием собственной правоты остался. Господин К. ушёл, окончательно уверившийся в подлости бумагомарателей, оскорблённый их непочтительностью и даже дерзостью. Писаки же только раззадорились сопротивлением господина К. «Срочно в номер! – кричали. – Чтобы не повадно было!». «Ежели бы, рассудили, ошибся человек или же начальство там возмутилось – так мы же тоже живые люди, у самих начальство имеется, поняли бы человека, пошли бы навстречу. Но, коли чиновник выбрал путь обострения – в обиду не дадимся». Такой вот нелепый случай. Участникам остаётся только бессильно наблюдать друг за другом. Писакам – через бдительное око механического наблюдателя, коим господин К. первым делом оборудовал собственный кабинет. А чиновнику – через говорящий ящик, в котором журналисты вещают. **Видит**, так сказать, **око – да зуб неймёт**. (Комс. пр.); 2) Во-первых, вылечив кариес на ранней стадии, вы уж точно гарантированы от всяческих удовольствий, связанных с удалением нерва. Во-вторых, чем меньше полость, тем прочнее зуб. В-третьих, это меньшая нагрузка на кошелек и, в-четвёртых, мы просто рады будем Вас видеть как можно скорее. А как найти кариес, когда и **глаз не видит** (глаз дантиста), и **зуб неймёт** (зуб пациента)? Вы думаете, что мы писали всё вышеизложенное только лишь для того, чтобы скрыть от Вас чёткий и ясный ответ? (АиФ). Ср.: <хоть> **видит око, да зуб неймёт** (шутл.) 'чём-л. недоступном'.

Глубина и широта ассоциаций, вызываемых дискурсом, зависит от многих факторов, что способствует формированию в каждом новом дискурсе личностных элементов вербализуемого фраземой концепта. Несовместимость и даже парадоксальность мысленно сопоставимых объектов устраняется глубиной и широтой их ассоциативно-образной интеграции, в результате которой дискурсивные синонимико-антонимические отношения приобретают даже те фраземы, которые, строго говоря, в языковой системе таковыми не являются. Ср.: синонимы: **близок локоток, да не укусишь** (посл.), **не видать** (**не видеть**)/**не увидать** (**не увидеть**) **как своих ушей** кого, чего; антонимы к названному синонимическому ряду: **на блюдечке с голубой каёмочкой** <**подать, принести**> 'предоставить кому-л. желаемое без малейших усилий с его стороны'; (**как, будто, словно, точно**) **по шучьему велению** <**по моему хотению**> (шутл.) 'чудесным образом, само собой, без вмешательства или поддержки кого-л.'. Особенно наглядно это проявляется в дискурсивно обусловленной фразеологической антонимии.

Научная новизна исследований в области когнитивной фразеологии определяется тем, что в фокусе общей структуры системных исследований в них разрабатывается концепция континуума когнитивно-дискурсивного пространства фразем как совокупности гетерогенных смысловых полей, имплицитных текстовых измерений, дифференциальных смыслов. Каждому полю такого дискурсивного пространства соответствуют свои дифференциальные смыслы. Именно их синергетическим взаимодействием создается обобщённый, хотя и имплицитно хранимый, смысл фразеометрического дискурса.

2. Фраземика в когнитивно-синергетическом освещении. Одним из основных факторов, переводящих современную когнитивную фразеологию на новый, продвинутый, этап развития, является её дискурсивно-синергетическая направленность [Алефиренко 2007].

Актуальность синергетической проблематики в когнитивной фразеологии обусловлена очевидной для большинства исследователей потребностью более глубокого изучения механизма постижения и передачи нелинейного и многоканального смысла фраземы.

Для того чтобы хотя бы подступиться к данной проблеме, нужно уяснить, в чём суть синергетики. Прежде всего, важно различать в этом феномене, с одной стороны, явление, а с другой, – особый тип мышления. Синергетическое мышление – это постмодернистское мультипарадигмальное, или межпарадигмальное, мышление. В лингвокогнитивистике синергетика плюралистична. Она существует в разных формах, системах представлений, соглашениях, конвенциях, в разных языках и образах. Плюралистичность – внутренне присущее качество синергетики, как по её генезису, так и по контексту её функционирования в системе современного постмодернистского познания.

Такие категориальные свойства синергетики, как **нелинейность, неоднозначность, метафоричность, случайность** смыслов синергетических образов и гештальтов, их **незавершенность и диалогичность**, а потому и **гипертекстуальность**, и **интертекстуальность** ныне воспринимаются с пониманием. Видимо, поэтому вопрос «В чём же всё-таки своеобразие синергетики?» звучит уже не так часто.

Рассмотрение природы смыслового пространства фразем, в котором фокусируются и проецируются в языковом сознании коммуникантов различные дифференциальные смыслы высказываний, определяются общие принципы порождения «гармоничного дискурса», не могут не привести к расширению методологической базы теоретической фразеологии. Создаваемая методология изначально по сути своей ориентирована на изучение взаимодействия фраземики и культуры. Всё это ведёт к необходимости обоснования принципиально новой, когнитивной, парадигмы фразеологии, в рамках которой скрытая роль фраземики в познании мира обнаруживается в синергетическом взаимодействии языка и культуры. Данное суждение истинно, если под культурой понимать ценностно-смысловой тип знания, в основе которого лежат сведения о рефлексивном самосознании человека в процессах его жизненных практик [Куцый 2001, с. 115]. В этом смысле культура – это сокровищница предыдущего опыта народы, «негенетическая» память коллектива, ретроспективная репрезентация образа мира в языковой памяти каждого члена этнокультурного сообщества.

Языковая память говорящего субъекта представляет собой грандиозный конгломерат, накапливаемый и развивающийся в течение всей его жизни. Каждая мысль, которую говорящий хочет выразить, уже при самом своём зарождении пробуждает этот цитатный мнемонический конгломерат, актуализирует некоторые его компоненты, которые почему-либо ассоциируются с образом зарождающейся мысли. Сама мысль, подлежащая выражению, приобретает всё более определённый образ, по мере того как она воплощает-

ся в этих конкретных, индуцируемых памятью говорящего и отбираемых им языковых кодах [Гаспаров 1996, с. 106].

Известно, что многие когнитивные процессы остаются скрытыми при исследовании преобразования смысла в процессе порождения, функционирования и понимания фразем. В силу этого возникает необходимость определения ключевого понятия когнитивной фразеологии, понятия не столько теоретического, сколько функционального в когнитивно-коммуникативной деятельности человека, вокруг которого концентрируются все усилия коммуникантов, и которое находится в фокусе всех речевых преобразований фраземы при условии сохранения её инварианта. Таким понятием является категория **смысла**.

3. Смысл как интерпретирующая категория и её место в когнитивной фразеологии. Смысловое пространство единиц разной семиотической природы фактически стало предметом исследования всех гуманитарных наук, обращённых к культуре. Рассматривая культуру как семантическое пространство образной модели мира, О. Шпенглер связывает смысл с вариациями на заданную тему некоего прасимвола. В философской доктрине М. Хайдеггера метафора смыслового пространства связана с понятием **окрестности, открытой дали**. Смысл эксплицируется в некое пространство и в эпистемологии, в частности, уже в определении эпистемы (В.Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова) как скрытой категории, выражающей отношения между словами и реалиями и формирующей коды восприятия.

Изучать смысл как динамичную систему с гибкой концептуальной структурой – значит стремиться познать диалектику субъектно-объектных отношений, согласно которой человек в процессе познания находится **не вне** изучаемого объекта, а **внутри** него как часть, познающее целое. Вот почему процессы понимания, восприятия, мышления развиваются в диалектике смысловых полей говорящего и слушающего, субъекта и объекта познания.

Здесь, полагаю, уместно остановиться на необходимости корректного употребления в когнитивной фразеологии терминов **субъект** и **объект** (познания). На их достаточно путаное происхождение указывал, в частности, К. Лоренц, который в «Эпистемологических пролегоменах» объясняет это тем обстоятельством, что своё значение они меняли ещё со времён схоластики. В современном употреблении слово **субъект** означает переживающего, думающего, чувствующего человека в противоположность **объекту**, по поводу которого данный человек переживает, думает и чувствует. Буквально *sub-jectum* означает «то, что подложено под» как некое основание, на котором стоит весь наш мир. Лейбниц отождествлял субъект с <...> «самой душой». Поэтому когнитивно-семантическая структура фраземы, кодирующей всё то, что мы способны переживать и испытывать, включая все наши знания об объективной реальности вне и вокруг нас, а также все наши мысли и желания, базируется на опыте думающего и говорящего субъекта. Только такой смысл следует вкладывать в терминосочетания **субъективность фразеологической семантики** или **субъективные значения фразем**. Выражаемые фраземами знания нашего собственного существования, хотя и остаются на трудно обозримой глубине дискурсивно-смыслового поля, всё же яв-

ляются самым достоверным из всех рефлексивных путей познания (вспомним декартово «*cogito ergo sum*»). Надо полагать, это справедливо, несмотря на ошибочность субъективно-идеалистических выводов, которые иногда делаются из выделенного тезиса.

Знание, мышление и воление, даже наблюдение и восприятие, им предшествующее, – всё это виды субъективной (точнее, субъектной) активности.

Единство познающего и познаваемого особенно ярко проявляется во фраземе, в которой так витиевато объективируется когнитивный процесс, где интегрируются и уравниваются две энергии – энергия реальности и энергия познающего субъекта. Если «слово – есть онтологическая изотропа» [Флоренский 1990, с. 17], то фразема, самым предназначением призванная интегрировать в своей семантике познающего и познаваемого, является энергетическим узлом репрезентируемого дискурсивно-семантического поля. Видимо, поэтому абсолютно исчерпаемо, без остатка передать смысловое содержание фраземы крайне сложно, поскольку невозможно совпадение смысловых полей, «замкнутых в себе личностей» [Потебня 1990, с. 137]. Поэтому восприятие и понимание фразем в составе высказывания связывается с процессом производства его ковариантной копии. Это объясняется тем, что интересующие механизмы нашего сознания упрощают смысловое содержание понятий, представлений и концептов. Это подтверждается и современными разработками нейрофизиологии. Мозг с помощью нежёстких механизмов формирует центры восприятия не путём их жёсткого задания, а в процессе итераций, что позволяет сворачивать и разворачивать устойчивые ассоциативные связи, производя тем самым распознавание закодированных во фраземах образов. Процессу редупликации обязаны своим становлением (бытием) и логические, и художественные концепты. Однако наиболее конструктивными эти процессы оказываются для возникновения художественных концептов, поскольку именно для них в равной мере важны как смыслы, возникающие на уровне сознания, так и те смыслы, которые погружены в недра бессознательного.

Именно в процессе редупликации интегрируются и уравниваются смысловая энергетика (а) реальности и (б) познающего субъекта, что необходимо для реализации индивидуальной творческой способности человека. Кроме того, соотношение в структуре концепта субъективного и коллективного обуславливается его архетипической природой.

Субъективный продукт психического развития индивида, по мнению К.Г. Юнга, возникает путём ассимиляции сознанием личного опыта и архетипов – феноменов коллективного бессознательного. Архетипы действуют как упорядочивающие операторы, исполняющие роль искомого моста между чувственным восприятием и идеями. С точки зрения когнитивной фразеологии конечной целью этого процесса является косвенно-производное кодирование в когнитивно-семантической структуре фразем этнокультурных смыслов [Телия 1996].

Изучение смысла как динамичной системы, организованной на основе гибких концептуальных структур, оправдано диалектикой субъектно-

объектных отношений в рамках постнеклассической познавательной модели: человек в процессе познания находится не вне изучаемого объекта, а внутри него. Он всегда лишь часть, познающее целое (Н.Н. Моисеев), из чего логически следует и транссубъективность метода познания современной науки: в объектах нашего знания мы находим самих себя, и, следовательно, учёный сам является источником тех универсальных законов, которые он открывает в природе (И. Пригожин). Процесс понимания, восприятия, мышления развивается в диалектике смысловых полей говорящего и слушающего, субъекта и объекта познания.

Проблема смысла как сущностный признак когнитивно-коммуникативной деятельности (Р. Барт, А.А. Брудный, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Ю.М. Лотман, А.Р. Лурия, А.И. Новиков, Р.И. Павилёнис и др.) обычно моделируется в виде многоуровневой иерархической структуры (Г.И. Богин, А.В. Бондарко, А.А. Залевская, И.А. Зимняя, Е.С. Кубрякова и др.).

Данная проблема рассматривалась с разных точек зрения: изучалась фразеологическая составляющая смыслового пространства текста (А.М. Мелерович, М.А. Фокина и др.); осуществлялась адаптация когнитивных категорий к изучению сущности фразеологической семантики [Spagińska-Pruszk 2005]. В настоящее время ставится вопрос о возможности применения идей синергетической лингвистики к осмыслению фундаментальных закономерностей порождения и понимания концептосферы фраземики того или иного национального языка [Алефиренко 2002, 2007, 2008, 2008а, 2008б]. Однако, несмотря на большое количество фундаментальных исследований в области фразеологической семантики, дискурсивно-фразеологическое пространство взаимодействия языка, познания и культуры с позиций когнитивистики и синергетики системно не рассматривалось.

Поэтому проблема культурных и языковых контактов, в том числе взаимодействие идиоматики и культуры, является едва ли не одной из самых сложных, запутанных и противоречивых проблем современной лингвистики, которая, в частности, обусловливается глобализацией межкультурного пространства, что ведёт к нивелированию этноязыковых различий и в такой законсервированной сфере языковой системы, как фраземика. Наряду с этим сохраняются существенные **фразеологические** различия в национальных образах мира, обусловленные множественностью языковых картин мира, доминантной средой бытования этноса, расхождениями в концептуализации действительности средствами идиоматики разных языков.

В сложившейся ситуации особую значимость приобретают проблемы универсального и уникального во фразеологических системах разных языков, выработки новых подходов к их исследованию, описания методов их анализа и интерпретации в целях построения парадигмы миропонимания с позиций взаимодействия языка и культуры. Смысловое конструирование этого взаимодействия на уровне фраземики должно отразить синергию концептуальной и языковой картин мира.

Важнейшей задачей когнитивной лингвистики является проблема формирования смысла, выражаемого фраземами, и моделирование дискурсивно-

смыслового пространства фраземы. Исследование смысла в когнитивной фразеологии предполагает раскрытие закономерностей устройства (а) системных значений фразем и (б) дискурсивной семантики тех коммуникативных образований, в рамках которых эти фраземы функционируют.

Можно считать доказанным, что в основе любого языкового значения, в том числе и фразеологического, лежит некая когнитивная структура – концепт или фрейм. Вспомним определение Е.С. Кубряковой: языковым значением становится лишь концепт, «схваченный знаком» [Кубрякова, 1994]. Дефиниция не только популярна в лингвокогнитивистике, но и проблемна, поскольку побуждает нас обратиться к согласованию её с уже имеющимися в лингвистике определениями, в рамках которых значениями являются вербализованные понятия, представления, образы и т. п. Объясняется это многообразными проявлениями в нашем сознании и когнитивных структур, и языковых значений. Поэтому не стоит искать однозначных отношений между когнитивной структурой и значением фраземы. Поскольку типичной когнитивной структурой, оязыковляемой фраземами, является концепт, он и предопределяет сущность фразеологического значения.

Можно предположить две стратегии в осмыслении концепта и фразеологического значения. Согласно первой из них, концепт значительно шире, чем та часть концепта, которая актуализируется фраземой. Согласно второй, одна и та же фразема в разном дискурсивном контексте представляет собой некие фразео-семантические варианты, вызывая каждый раз разные её смысловые восприятия, поскольку в дискурсе актуализируется лишь та часть концепта, которая обуславливается характером субъектно-предикатных отношений в составе конкретного высказывания.

Категориально-понятийный аппарат когнитивистики обычно представляется терминами **смысл** и **концепт**. Однако их использование в когнитивной фразеологии требует известной осторожности по нескольким причинам. Во-первых, в когнитологии нередко допускают неоднозначное их употребление. Во-вторых, концепты, схемы, фреймы и сценарии представляют главным образом как психологически выделяемые сущности, конструктивные элементы памяти, модели, применяемые в искусственном интеллекте при обработке информации на ЭВМ. В-третьих, их моделирование не соотносится с семантической структурой языковых единиц.

Названные категории и проблемы должны стать для когнитивной фразеологии основополагающими.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-дискурсивная синергетика языка / Н.Ф. Алефиренко // AUSPICIA. – České Budějovice, 2007. – № 1. – С. 14–20.

Алефиренко, Н.Ф. ПротOVERбальное порождение культурных концептов и их фразеологическая репрезентация / Н.Ф. Алефиренко // Филологические науки. – 2002. – № 5. – С. 72–81.

Алефиренко, Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: монография / Н.Ф. Алефиренко. – М.: ЭЛПИС, 2008 [а]. – 271 с.

Алефиренко, Н.Ф. Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики / Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых. – М.: ЭЛПИС, 2008 [6]. – 472 с.

Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма / Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – 152 с.

Гаспаров, Б.М. Язык, память, образ / Б.М. Гаспаров. – М.: Новое Литературное Обозрение, 1996. – 352 с.

Жуков, К.А. От теории концепта к зарождению лингвоконцептологии? / К.А. Жуков // К 60-летию проф. А.В. Жукова: юбилейный сб. науч. трудов. – Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2007. – С. 54–59.

Кубрякова, Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с. – (Язык. Семиотика. Культура).

Куций, С.Б. Лингвокультурология: становление, объект, проблемы / С.Б. Куций // XXI век – век образования: лингводидактические и семантические проблемы изучения национально-культурной ценностной картины мира: мат-лы 46-й науч.-метод. конф. – Ставрополь, 2001. – С. 113–118.

Мокиенко, В.М. Когнитивное и акогнитивное во фразеологии / В.М. Мокиенко // Фразеология и когнитивистика: мат-лы 1-й Международ. науч. конф., г. Белгород, 4–6 мая 2008 г.: в 2 т. / отв. ред. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – Т. 1: Идиоматика и познание. – С. 13–26.

Потебня, А.А. Собрание трудов. Мысль и язык / А.А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999. – 269 с. – (Классика мировой гуманитарной мысли).

Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 284 с. – (Язык. Семиотика. Культура).

Флоренский, П.А. Сочинения: в 2 т. / П.А. Флоренский. – М.: Правда, 1990. – Т. 1: Столп и утверждение истины: в 2 ч. – Ч. 2. – 352 с.

Spagińska-Pruszk, A. Intelkt we frazeologii polskiej, rosyjskiej i chorwackiej: z problemów językowego obrazu świata / A. Spagińska-Pruszk. – Wyd. 2, popr. – Łask: Oficyna Wydawnicza LEKSEM, 2005. – 299 s. – (Kompendium Frazeologa. 1).